

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИТОНИМОВ В ГОВОРАХ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Цаллагова И.Н.¹

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН и РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира 10, e-mail: soigsi.ru

В лексической системе осетинского языка, во всех его диалектах и говорах фитонимическая лексика составляет довольно многообразный и значительный пласт – это номинации деревьев, кустарников, цветов и травянистых растений, культурных и дикорастущих растений и т.д. В результате комплексного исследования говоров дигорского варианта осетинского языка автором выявлены случаи фонетического и, в определенной степени, семантического варьирования некоторых слов — наименований растений. В данной статье лексические соответственные ряды, образованные вследствие этого варьирования, проанализированы и систематизированы. Автором также предпринята попытка определить причины возникновения этих вариаций. Кроме этого, в исследовании рассмотрены основные структурно-функциональные особенности фитонимов, которые имеют лексические варианты в современных дигорских говорах осетинского языка.

Ключевые слова: осетинский язык, дигорский вариант осетинского языка, говоры, фитонимическая лексика

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL PECULIARITIES OF PHYTONYMS IN THE SUBDIALECTS OF THE DIGORIAN VARIANT OF THE OSSETIAN LANGUAGE

Tsallagova I.N.¹

¹Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia - Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira 10), e-mail: soigsi.ru

In the lexical system of the Ossetian language, in all its dialects and subdialects, phytonyms represent quite a diverse and significant layer: these are names of trees, shrubs, flowers and herbs, cultivated and wild plants, etc. As a result of comprehensive study of the Digorian variant of the Ossetian language, the author identified the cases of phonetic and, to a certain extent, semantic variation of certain words-names of plants. In this article, the respective lexical rows formed due to this variation have been analyzed and systematized. The author also attempts to identify the causes of these variations. In addition, the research examines the main structural and functional features of phytonyms having lexical variants in modern Digorian subdialects of the Ossetian language.

Keywords: Ossetian language, Digorian variant of the Ossetian language, subdialects, phytonyms

Исследование тематических пластов лексики в современных живых говорах и диалектах является одним из актуальных вопросов лингвистики. Это обусловлено тем, что в процессе семантического анализа с попыткой изучения отдельных фрагментов языковой картины мира обнаруживается, что диалектный носитель в процессе познания предметного мира, осваивая вещи и явления, находит прямое отражение реалий и осуществляет их в области лексики [6]. Исследования такого рода помогают определить национально-культурную специфику восприятия окружающего мира тем или иным этносом.

Общеизвестно, что названия различных предметов и явлений окружающей среды – это фиксации духовного и культурного формирования человека. Именно по этой причине изучению лексики различных тематических пластов в лингвистике уделяется большое внимание. Одним из таких пластов является фитонимическая лексика, номинирующая

растения, которые фиксируют и отражают процесс познания и постижения мира природы того или иного народа.

Описание фитонимии живых говоров необходимо потому, что отдельные наименования растений безвозвратно утрачиваются, диалектное же слово – это, как известно, не только средство коммуникации, оно факт истории эстетических представлений народа об окружающей действительности [9, с. 3].

Если рассматривать историю изучения фитонимической лексики осетинского языка, то ее пик приходится на 1960–1970-е гг. В большинстве исследований затрагиваются лишь отдельные стороны данной проблемы. В частности, в работах Вс. Миллера находим указания на источники заимствования слов — наименований некоторых растений [7; 8]. В трудах В.И. Абаева многие термины растений стали предметом исследования в этимологическом аспекте [1; 2; 3]. В работе О.Г. Тедеевой рассматриваются вопросы заимствованной из грузинского языка терминологии растений [10].

Первая попытка монографического исследования названий растений в осетинском языке сделана Ф.Д. Теховым. В его работе дан как морфолого-семантический анализ фитонимов, так и их этимологическое объяснение. Обогащает книгу приложенный словарь терминологии растений и связанных с ними лексических единиц, который извлечен автором из различных письменных источников и собственных полевых материалов [12].

Осетинская фитонимия является одной из древнейших микросистем. Номенклатура наименований растений является отражением окружающей среды того или иного этноса. Естественно, что играющие первостепенную роль в жизни всего живого, как животных, так и человека, растения привлекали к себе внимание всегда. Впоследствии люди стали отличать их друг от друга и соответственно давать им имена. Свидетельством этого является осетинская фитонимическая лексика, прошедшая столь сложный путь формирования и занимающая важное место в лексическом фонде осетинского языка.

Контакты между разными народами накладывают свой отпечаток как на языке в целом, так и на лексике. Таким образом, из языка выходят из употребления одни термины, но появляются другие, новые обозначения тех же реалий, которые представляют собой свидетельства этих языковых контактов, а значит, и истории народа. По этому поводу В.И. Абаев пишет: «Способность языка служить историческим источником вытекает из того простого и очевидного факта, что элементы языка отражают элементы объективной действительности, что мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий. А поскольку язык живет тысячелетия, его показания приобретают значения исторических документов, которые, если уметь их читать, могут

многое рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит» [4, с. 35].

Общеизвестно, что изначально предки осетин скифы становятся известными как кочевой народ, ведший скотоводческое хозяйство. Результатом этого является более богатая скотоводческая терминология по сравнению с другой отраслевой лексикой. Земледельческая и садоводческая терминология менее развита по причине того, что эти отрасли в силу особенностей исторического развития не играли в жизни осетин столь важную роль, как скотоводство.

Так как предки осетин были классическими скотоводами, не исключено, что в прошлом в осетинском языке и в лексике растений (в частности, наименования трав) в основном превалировал иранский слой подобно тому, как это могло быть у скифов и алан. Однако в дальнейшем во всех сферах терминологии растений осетинского языка сильно сказалось многовековое влияние соседних народов. В частности, появились новые названия съедобных трав [11]. Названий для всевозможных съедобных трав довольно много, но лишь немногие из них могут быть возведены к древнеиранскому. Большинство из них относится к альпийской флоре Кавказа [3, с. 48–49].

В осетинском языке больше всего иноязычное влияние сказалось на терминологии земледелия и наименований культурных растений. Земледелие, которое требует частичного перехода на оседлость, внедрялась у осетин постепенно, несколькими этапами. Этим обусловлена большая неоднородность земледельческих терминов по их происхождению и давности бытования на осетинской почве. Наряду с более древними элементами мы встречаем более новые, принятые у соседних народов [3, с. 59].

По поводу заимствований из европейских языков, которые появились в осетинском языке на более ранней стадии развития земледелия, В.И. Абаев пишет: «Стало выясняться и происхождение земледельческих терминов. И тут вскрылся важный с культурно-исторической точки зрения факт: ряд основных терминов земледельческой культуры ведет не к иранским, а к европейским языкам: славянским, балтийским, итальянским, кельтским. Вывод напрашивается сам собой: предки осетин, скифские племена первоначально кочевники и скотоводы, переходили на оседлость и усваивали начатки земледелия в условиях контактов с европейскими народами» [2, с. 241].

На Кавказе осетины во многих сферах подвергались культурному влиянию кавказских и тюркских народов, что закономерно отразилось и в их сельском хозяйстве. По всем данным осетины с плодовыми и огородными культурами познакомились на Кавказе. Об этом говорит тот факт, что нет ни одного названия плодового дерева или овоща, которое восходило бы к древнеиранскому [3, с. 60]. Следует отметить, что большая часть названий

растений и связанных с ними терминов в осетинском частично восходит к кавказскому субстрату или же является результатом кавказских и тюркских заимствований. Позже список заимствований в лексике растений осетинского языка был пополнен новыми словами из русского языка и других языков через русское посредство [11].

Таким образом, в лексической системе осетинского языка, во всех его диалектах и говорах значительный пласт составляет фитонимическая лексика, которая довольно многообразна: это номинации деревьев, кустарников, цветов и травянистых растений, культурных и дикорастущих растений и т.д. Эти номинации в лингвистических исследованиях принято называть фитонимами. Их можно рассматривать в разных аспектах: словообразовательном, морфемном, этимологическом, а также с точки зрения вариативности их употребления в различных говорах конкретного языка.

В ходе наших диалектологических экспедиций по сбору материала по лексике дигорских говоров нами были зафиксированы некоторые случаи вариативности употребления диалектоносителями некоторых названий растений, что и подвигло нас на данное исследование. Хочется отметить, что ввиду недостаточности (ограниченности) языкового материала данное исследование не претендует на целостность и комплексность. Однако мы бы хотели отметить некоторые свои наблюдения в этой области, потому как значимость таких языковых фиксаций в условиях стремительного нивелирования современных говоров под влиянием различных факторов (литературного языка, городской культуры, междиалектного контактирования) несомненна. Основной нашей задачей мы считаем сохранение для истории некоторых слов — наименований растений и их вариаций, функционирующих в речи носителей современных дигорских говоров, которые постепенно утрачиваются.

Рассмотрим некоторые случаи варьирования.

Кукуруза. В дигорских говорах мы имеем соотносительный ряд: *nartixwar* / *nantixwar* / *nantuxwar*. Буквально «нартовский» (*nart-*) злак (*xwaræ-*). В иронском диалекте *nartxor*. Появление в дигорских говорах варианта данной лексемы с заменой звука **r** на **n** может быть продиктовано довольно распространенным явлением, а именно чередованием данных звуков, например: *barimæxsun* / *banimæxsun* – спрятать; *ǵurc'æ* / *ǵunc'æ* (размятый в руках комок (молодой крапивы)); *rimæxsun* / *nimæxsun* (прятать, скрывать) и т.д. Следует отметить, что по нашим данным на сегодняшний день, в дигорских говорах наиболее частотно употребление варианта *nantixwar*.

Виноград – *sæncæfseræ* / *sæncæfšeræ* / *sænžeri*. Буквально «винный колос», вино (*sæncæ*) колос (*æfseræ*). Вариант *sænžeri* характерен для речи жителей с. Озрек КБР. В данном населенном пункте используется также вариант *sæncæfseræ*, но гораздо реже, и то чаще в

контексте того, что они знают, что так виноград называется в других селах. В варианте *sænžeri* мы видим замену сегмента составного слова *æfseræ* сегментом *žeri*, семантику которого нам объяснить пока сложно. По поводу двух других вариантов *sænæfseræ* / *sænæfšeræ* можно сказать, что их образование продиктовано закономерным для дигорских говоров соканьем и шоканьем, однако заметим, что во многих населенных пунктах, где бытует шокающий говор дигорского, данное слово произносится как в сокающем, а именно – *sænæfseræ* (Лезгор КБР, с.с. Черноярское и Ново-Осетиновское Моздокского района РСО-А). На наш взгляд, это явление – результат тесного междиалектного взаимодействия.

Результатом междиалектных контактов также является появление такого варьирования в говорах дигорского, как *nori* / *bodæn* (чеснок), в некоторых случаях мы имеем даже форму *budæn* «чеснок» (ср. диг. *bodæn* ир. *nury*) [12]; *get're*, *xwærgænasæ* «огурец» (ср. диг. *xwærgænasæ* ир. *žit'ri*);

Отметим, что диг. *bodæn* (чеснок), в отличие от ир. *nury*, является оригинальным осетинским термином, в то время как синонимичное ему *nury* является заимствованием из грузинского языка, как и названия ряда других огородных растений в осетинском (*bulk' / bolgæ* «редька»; *žit'ri* «огурец»; *nas / nasæ* «тыква»).

Как видим, дигорское *xwærgænasæ* «огурец» образовано путем словосложения (букв. «съедобная тыква»). Таким же образом образован дигорский термин *fiwnasæ* «дыня» (букв. «жир тыква»). Для обозначения дыни в говорах дигорского используются также различные вариации термина *misi / nesi / neši*, тоже грузинского происхождения. Здесь причиной образования вариаций, как мы видим, являются опять же закономерное для дигорских говоров чередование *m / n*. А также базовое соканье и шоканье.

Укроп – *fitxwasæ*, *kenže*, *qontxura* (ир. *qontxora*).

Из представленных вариантов рассматриваемого культурного травянистого растения наиболее активным термином в говорах дигорского диалекта является *fidxwasæ* (букв. *fid* «мясо» *xwasæ* «сено, трава», возможное трактование «трава, используемая в качестве приправы к мясу»). Отметим, что лексема *xos / xwasæ* иранского происхождения. В осетинском языке имеет значения: 1) сено; 2) лекарство; 3) вообще средство «выход из положения».

Любая номинация растений имеет в своей основе причину или основание, которое можно рассматривать как мотивы для наименования растений. Мотивации могут быть разными (допустим, особенности самих растений и их частей, функции и применение) [5].

Следует отметить, что в народной медицине осетин огромное значение имели растения. Подавляющую часть лекарств осетинские лекари обычно готовили из растений, деревьев, кустарников, особенно трав. Термины, обозначающие лекарственные растения в осетинском

языке, – это в основном сложные слова, состоящие из названия недуга и компонента *xos / xwasæ*, например: *wydyrnyxos* «манжетка» (букв. «лекарство от экземы»); *syrxuxos* «синеголовник исполинский» (ею лечили рожу) и т.д. [11, с. 10–11]

Возможно, именно поэтому у данного слова, помимо основного значения «сено, трава», появились значения «лекарство, выход из положения, вообще средство».

Подсолнух – *æxsinæn / qæne / semickæ / soxuran*. Подсолнух в большинстве дигорских говоров номинируется лексемами *æxsinæn*, *qæne* или заимствованным из русского *semičkæ / semickæ*, за исключением осетин, проживающих в с. Черноярское Моздокского района. В говоре дигорцев-черноярцев для обозначения подсолнуха используется лексема *soxuran*, которая в свою очередь тоже имеет вариативные формы (*soxra*, *soxran*, *soxur*). Вероятно, данный термин является заимствованием из кабардинского языка. Учитывая факт иноязычного окружения данной группы дигорцев, появление в их речи заимствованной лексики — явление закономерное.

Как мы видим, осетинская диалектная фитонимическая лексика активно функционирует в языке и отражает региональную специфику говоров на современном этапе их развития. Наибольшей вариативностью отличаются названия растений, относящиеся к группе садово-огородных культур. Это объясняется тем, что именно растения этой группы наиболее осязаемы и актуальны для человека.

Появлению соответственных явлений в области фитонимической лексики говоров дигорского варианта осетинского языка способствуют определенные факторы: закономерные фонетические особенности того или иного говора, которые отражаются на фонетическом облике лексем (чередование звуков, цоканье / чоканье); различные условия существования и развития того или иного говора (например, говоры, которые развиваются в иноязычном окружении, впитывают в себя терминологию соседних языков, тем самым вытесняя собственную); междиалектное контактирование, проявляющееся в образовании контаминированных форм.

Терминология растений осетинского языка, прошедшая определенную стадию становления и развития, характеризуется неоднородностью происхождения.

Принятый список сокращений:

Ир. – иронский вариант осетинского языка

Диг. – дигорский вариант осетинского языка

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5 томах, Т. I. М.-

Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 665 с.; Т. II. Л.: Наука, 1973. – 448 с.; Т. III. Л.: Наука, 1979. – 358 с.; Т. IV. Л.: Наука, 1989. – 325 с.; Т. V. М.: 1995. – 448 с.

2. Абаев В.И. К скифо-европейским лексическим связям. В кн. «Этимология», М., 1966 (1968). – С. 241.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. – 601 с.
4. Абаев В.И. Язык и история. В кн. Филин Ф.П., Серебренников Б. А., Гухман М. М. и др. (Ред.) Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968. – 368 с.
5. Абрегов А.Н., Хатхе А. А. Научные и народные названия растений в английском, немецком, русском и адыгейском языках. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 133–137.
6. Майер П.А. Особенности синонимии в фитонимах донских говоров // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 95–97.
7. Миллер Вс. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. – 707 с.
8. Миллер Вс. Язык осетин. М.–Л., 1962. – 189 с.
9. Савина Ю.Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров. Автореф. дис. канд. филолог. Наук. Брянск. – 2009. – 26 с.
10. Тедеева О.Г. Грузинская лексика растениеводства в осетинском. Тбилиси, 1957. – 47 с.
11. Техов Ф.Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвал, 1979. – 185 с.
12. Цаллагова И.Н. Постоянные и варьирующие элементы в диалектах и говорах осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/125-20007> (дата обращения: 26.06.2015).

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Парсиева Л.К., д.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.